Материал подготовил В. В. СКУРЛОВ, кандидат искусствоведения,
почётный академик РАХ, ученый секретарь Мемориального фонда Фаберже

Две встречи с Олегом Агафоновичем Фаберже (1923–1993)

К 150-летию Агафона Карловича Фаберже (1876–1951)

Работая над книгой «Агафон Карлович Фаберже (1876–1951). Краткая биография», я обнаружил в Архиве Татьяны Фаберже письмо тридцатишестилетней давности, в котором упоминается моё имя.

Письмо Олега Агафоновича Фаберже своей племяннице Татьяне Фёдоровне Фаберже от 29 ноября 1990 г.

Дорогая Таня!

Твой друг Масуд Чай-Чиан [знакомый Татьяны Фаберже, физик, сотрудник Европейского Центра ядерных исследований — В.С.] был у нас и принёс нам от тебя уйму подарков, за которые я от всех нас от души благодарю тебя. Но зачем так много?

Копию письма Скурлова [речь идёт о рукописи Франца Бирбаума «История фирмы Фаберже», которую я послал Татьяне Фаберже и Олегу Агафоновичу — В.С.] я, вероятно, вскоре тоже получу, а все подарки я отложил до Рождества.

Мадам Аллин собирается побывать у нас, когда она ещё до конца года будет ехать в С.-Петербург [г-жа Мэри Энн Аллин, жена американского консула в Ленинграде, основала в 1990 г. «Фонд Искусства Фаберже», основной целью которого было объявлено овладение зданием бывшего дома Фаберже на улице Герцена, 24, после 1991 г. — улица Большая Морская — В.С.]. В связи с этим я ещё раз подчеркну нашу с тобой точку зрения по отношению к проекту в будущем изготовлять какие-то вещицы в стиле Фаберже. Тогда я тоже ещё раз потребую, чтобы они поскорей отделались от сотрудничества с Г.ф.Х. [Геза фон Хабсбург (Габсбург) — В.С.], который теперь, по-видимому, нуждается в новой роли «эксперта» и старается присоединиться к нам с тобой, в частности, к имени Фаберже. Нам он не нужен, так как он человек несолидный.

Сегодня на день жду, чтобы вышла моя книга на шведском языке — на котором я её писал, но у издателя дело идёт как-то очень медленно. А впрочем, дел, видимо, невидимо. Одних писем прибывает больше, чем успеваю отвечать, но тут назло ещё правое моё колено подгуляло — надо оперировать, да и глаз снова требует лазера. Но ничего, ждём Рождества с рождественским снегом и надеемся справить его вместе — всей семьёй, включая и самого последнего члена — Жана-Филиппа, сына Франсес. И тебя, дорогая Таня, охотно бы включил в наш рождественский семейный круг — добро пожаловать.

На этом кончаю, желаю тебе доброго здоровья и всех иных благ. С сердечным приветом от всех нас.

Твой Олег.

Агафон Карлович Фаберже, 1914.
фото: Архив Татьяны Фаберже

Олег Агафонович у портрета своего отца. Фото из книги воспоминаний О. А. Фаберже «Glimtar» (шведс. «Сполохи». Helsingfors, 1990. – Портрет работы Зинаиды Серебряковой (1931 г.). В руках у Агафона миниатюрный портрет Марии Алексеевны Борзовой, матери Олега Фаберже

XXX

В марте 1989 г. Елагиноостровский музей-заповедник организовал первую в СССР выставку «Великий Фаберже» с участием Государственного Эрмитажа и иностранных экспонентов. Спонсором выставки выступило объединение «Русские самоцветы», где я работал научным сотрудником. Директор музея, кандидат искусствоведения Вячеслав Мухин, пригласил меня работать на выставке по выходным дням в качестве экскурсовода.

Историю фирмы Фаберже я уже немного знал по переводным статьям и книгам английских авторов Г. Ч. Бэйнбриджа и К. А. Сноумана. Эта выставка принесла мне много пользы: я познакомился с пожилыми ленинградскими филателистами — доктором геолого-минералогических наук Юрием Григорьевичем Старицким (1913–2005) и его братом Владимиром Георгиевичем Старицким (1915–1992), мастером спорта по альпинизму с 1939 г., чемпионом Ленинграда. Именно они дали мне адрес Олега Агафоновича Фаберже в Хельсинки. Тот, в свою очередь, дал мне адрес Татьяны Федоровны Фаберже, гражданкой Швейцарии. проживающей во Франции, и с марта 1990 года я уже состоял с ней в переписке.

Впервые я встретился с Олегом Агафоновичем Фаберже осенью 1991 года в московской гостинице «Украина», куда он приехал на филателистическую выставку. Символично, что эта встреча произошла ровно через сорок лет после кончины его отца, Агафона Карловича (1876–1951).

Помню, меня поразил тяжелый, как сказал Олег Агафонович, «бронированный» чемодан, в котором он перевозил свою драгоценную коллекцию. Тогда я еще не осознавал, что держу в руках лучшее в мире собрание «русских земских марок».

Сорок лет по историческим меркам — срок небольшой. Если отсчитать сорок лет назад от сегодняшнего дня, мы попадем в 1986 год. В то время я уже работал в НИИювелирпроме и глубоко погрузился в изучение русского ювелирного искусства, где фигура Фаберже была для меня абсолютной величиной. Пожав руку Олегу Агафоновичу, я словно совершил рукопожатие с самим Агафоном Карловичем.

Существует теория «одного рукопожатия». Я впервые прочел о ней у Мариэтты Шагинян (1888–1982): в середине 1890-х она познакомилась со стариком, который видел Пушкина, — так через одно рукопожатие она оказалась связана с великим поэтом. В моей молодости фраза «Он видел Ленина!» звучала как знак причастности к истории. У нас в институте работал профессор Лебедев, вступивший в партию в марте 1917 года, и о нем всегда говорили с особым трепетом: «Он видел Ленина!».

В начале 1991 года Олег Агафонович прислал мне по почте свою автобиографическую книгу на шведском языке — «Glimtar» («Сполохи»). Я заказал полный перевод этого труда в отделе переводов Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (ныне Российская национальная библиотека). Незадолго до своей кончины Олег Агафонович дал согласие на публикацию книги в России. В 1994 году она вышла в московском издательстве «Россия» тиражом 5000 экземпляров, но, к сожалению, под неудачным названием — «Блестки».

В русском языке слово «блестки» ассоциируется скорее с новогодней мишурой или декором на одежде. Однако автор вкладывал в название иной смысл: «сполохи», «вспышки северного сияния», «проблески воспоминаний». Именно так перевели это слово специалисты Публичной библиотеки, и этот вариант был гораздо точнее.

Агафон Карлович, Олег Агафонович, Мария Фаберже (урожд. Борзова) в 1936 г (на 60-летие Агафона Карловича). Гельсинфорс. Фото: О. А. Фаберже из книги «Glimtar», Helsingfors, 1990

Олег с мамой Марией Берзовой. Турин, 1930 г.

Олег с другом на крыше. Хельсинки, 1942 г.

Открытка в адрес Олега Фаберже, 1938 г. Фото: О. А. Фаберже из книги «Glimtar», Helsingfors, 1990

Второй раз я встретился с Олегом Агафоновичем через год, осенью 1992 года, когда он приезжал на ювелирную выставку в Оружейную палату.

Из наших бесед с Олегом Агафоновичем мне особенно запомнились его слова: «Ювелир должен быть хорошим психологом». Олег Агафонович отмечал, что его отец, Агафон Карлович, в психологическом плане умел «переигрывать» Николая II. Неслучайно на вопрос императора о том, какой сюжет в Императорском яйце будет на очередную Пасху, ответ был уклончивый: «Ваше Величество будет довольно!»

Действительно, чтобы убедить царственного заказчика приобрести то или иное изделие, требовался особый дар. Тут надо напомнить, что для подарков существовало много поводов: Рождество, Пасха, тезоименитство, те же даты у царственной супруги, у детей, у матери Императора, у многочисленных родственников (а в родстве с Романовыми состояли все монаршие дома Европы), а также разные важные мемориальные даты в жизни державы.

Неслучайно в 1910 г. сыновья Карла Фаберже ходатайствовали о присвоении отцу Карлу Густавовичу почетное звание «Придворный ювелир». Оказывается, в отличие от статуса «Поставщик Высочайшего двора», который мог получить мастер, живущий в другом городе и никогда не видевший царя, звание «Придворный ювелир» присваивалось лишь тем, кто имел честь лично общаться с Государем.

В маленьком швейцарском городке над Францем Бирбаумом, главным мастером и художником фирмы Фаберже, многие посмеивались. Он часто рассказывал о своих встречах с русским императором, но горожане лишь недоумевали: где царь, а где художник? Франца Петровича это глубоко задевало, и со временем он замкнулся, перестав делиться воспоминаниями. А ведь именно лично Бирбаум скомпоновал более половины Императорских пасхальных яиц.

Вот и сегодня многие не верят, что члены семьи Фаберже были вхожи в Зимний и Александровский дворцы. Но есть журналы Дворцовой полиции, где отмечены регулярные визиты Агафона Карловича во дворцы. И это неудивительно: он был экспертом Бриллиантовой комнаты и оценщиком Кабинета Его Величества.

Агафон Карлович потерял многое из своего имущества, особенно из коллекции художественных вещей. Мне запомнилась его фраза по этому поводу: «Что жалеть о прошлогоднем снеге!». Я взял ее на вооружение, когда слышу слова сожаления о безвозвратных потерях.

Олег скончался в мае 1993 года. Его здоровье было подорвано проблемами со зрением и сердцем. Он обещал мне, что сфотографирует портрет отца, работы Зинаиды Серебряковой, а Татьяне Мунтян из Оружейной палаты обещал, что пригласит ее разобрать семейный архив писем 1939–1950-х гг., хранившийся на его чердаке. Но эти его обещания так и остались нереализованными. Я даже не

Жена Олега Агафоновича Фаберже Сиркка-Лииса на своей кобыле «Леди Ория», которая в 1950 г. в барьерной скачке на километровой дистанции показала рекордное время 1.07.8. Фото: Мемуары Олега Фаберже «Блестки», М., 1994 г.

подозревал, насколько красочным был тот самый портрет Агафона Карловича, пока не увидел его позже. К слову, в 2016 году, к 140-летию со дня рождения Агафона Карловича, вышла книга на финском языке, посвященная его деятельности как филателиста.

Женой Олега стала двукратная чемпионка Финляндии по конному спорту Сиррка-Луиза Коркман. У них было две дочери–двойняшки: Беатрис и Франсес (1954 г. р.). Франсес стала судьей международной категории по породе ризеншнауцер, успешно занималась их разведением и участвовала в европейских выставках, а также владела собственной конюшней.

В 2009 г. в Баден-Бадене я встретился с Беатрис Ее муж, по фамилии Страндман, работал сомелье; у пары родились два сына, тоже двойняшки. Я заметил в тот день, что на Беатрис были серьги с крупными жемчужинами. Татьяна Фаберже сказала, что жемчужины такого размера и формы —«груши» — были только у императрицы Александры Федоровны.

Олег Агафонович боготворил отца. В своих мемуарах он писал: «Спасибо отцу за „детство мое золотое!“». Олег Агафонович боролся за честь фамилии. В предисловии к мемуарам он защищал имя отца, которого некий «эксперт» по фамилии Гёза фон Габсбург на страницах каталога одной из выставок обвинил Агафона Карловича в организации изготовления в 1930-х гг. в Финляндии «новоделов» Фаберже. «Мой отец никогда этим не занимался» — с гневом писал Олег.

Желая сохранить память об отце, Олег увлекся коллекционированием почтовых марок, восстанавливая распавшуюся знамени-

L!ke® БИЗНЕС С УДОВОЛЬСТВИЕМ

УНИКАЛЬНЫЕ МОДЕЛИ УПАКОВКИ НА НАШЕМ СКЛАДЕ И ПОД ЗАКАЗ

ПОСЕТИТЕ НАШ СТЕНД! ИСПЫТАЙТЕ УДАЧУ!

СТЕНД: А-217
ПАВИЛЬОН: 57

БЕСПРОИГРЫШНАЯ ЛОТЕРЕЯ С 23 ПО 25 СЕНТЯБРЯ

LIKECOMPANY.RU

8 (800) 707 5453

реклама

Обложка Каталога Всемирной филателистической выставки «Финляндия-88» (Хельсинки, 1988)

Панихида по Олегу Агафоновичу Фаберже. Исаакиевский собор. Июнь 1993 г. Фото: Архив В. Скурлова

Могила Агафона и Марии Фаберже на православном кладбище в Хельсинки с именами Агафона Карловича, Марии Фаберже, Олега Агафоновича (1923–1993), Сирккки-Лиисы (1916–2012). Фото: Архив В. В. Скурлова

тую коллекцию. В итоге на Всемирной филателистической выставке «Финляндия-1988» Олег Фаберже экспонировал практически заново собранную коллекцию русской земской почты. Так, через 55 лет после Филателистической выставки в Вене, в 1988 г. коллекция Олега произвела фурор!

Незадолго до смерти Олег Агафонович завершил колоссальную работу по подготовке и изданию огромного фолианта, в котором со скрупулезной точностью описывались все земские раритеты из его собственного и собрания его отца Агафона Карловича. В семье Фаберже филателистов больше не осталось. Но вот что удивительно: в скорости после кончины последнего Фаберже-филателиста, ни одна из его уникальных марок не была выставлена на аукционные торги. Распродажа коллекции произошла лишь через несколько лет. Оказывается, дальновидный, как и его отец, Олег Агафонович, желая избежать излишнего ажиотажа и гарантировать своим наследникам получение реальных денег, завещал выставить на аукцион свою коллекцию после его кончины по прошествии заранее оговоренного количества лет. Что и было выполнено в соответствии с волей покойного.

Видимо, одаренность является наследственной чертой фамилии Фаберже. Подтвердив эту аксиому, Олег Агафонович Фаберже прожил жизнь яркую, блистательную, оставив после себя долгую и благодарную память в сердцах всех, кто его знал. Историю своей семьи он описал в прекрасной, лиричной книге «Glimtar» («Сполохи»). Отцовская коллекция ценнейших марок, сохраненная и продолженная сыном, известна знатокам во всем мире.

Но большую часть своей жизни он посвятил лошадям. Будучи эстетом, он предпочел всем видам конного спорта выездку — аристократический оттенок которой доступен только людям тонкой душевной организации. Обладая талантом добиваться лучших результатов во всем, за что брался, Олег Агафонович приобрел известность одного из лучших всадников Финляндии и весьма компетентного судьи по классическим видам конного спорта. В возрасте 33-х лет он стал членом судейской комиссии по конному спорту на Олимпиаде в Стокгольме (Олимпиада 1956 г. проходила в Мельбурне, но конные состязания были перенесены в Стокгольм по ветеринарным соображениям – В.С.], позднее преподавал на многочисленных курсах по подготовке судей. Для довершения картины можно доба-

вить, что мать Олега в юности имела титул чемпиона в барьерных скачках — сугубо мужском, офицерском виде спорта.

Отец сыграл огромную роль в формировании личности Францес. Сам с гордостью нося столь известную фамилию, Олег Агафонович настаивал на сохранении семейных традиций, в том числе на изучении русского языка. Двойняшек-дочерей он растил в атмосфере требовательности к себе и к другим. «Если ты не способна делать что-то лучше других, вообще не берись за дело.», — так говорил он Францес. Олег Агафонович стал для Францес первым учителем верховой езды.

Об обстоятельствах смерти Олега Агафоновича я узнал из статьи одного филателиста. Друзей по интересам белорусский филателист Леонид Яковлевич Миронович всегда находил без проблем. А после того, как его адрес в середине 1970-х опубликовал журнал «Советский коллекционер», а затем и чехословацкий филателистический журнал, на Мироновича обрушился шквал писем из-за рубежа. Леонид Яковлевич очень удивился, когда получил письмо от самого Олега Фаберже из Хельсинки. Завязалась переписка, которая продолжалась более 20 лет. Последнее письмо белорусский филателист получил в Бобруйске уже после смерти Олега Фаберже.

На листке мелованной бумаги размашистым почерком написано: «*Дорогой Леонид Миронович (обращение по имени и фамилии, без отчества — В.С.). Олег Агафонович скончался дома от инфаркта 5 мая 1993 года. Зима и весна были тяжелыми, ему сделали две глазные операции, но один глаз остался слепым. Корректирование книги «Земство» и выставка «Нордия-93» требовали слишком больших усилий. Олег написал список друзей, которым хотел отослать авторский экземпляр. Список не полный, но ваше имя там есть. Я послала вам книгу через Петербург*», — писала одна из дочерей Олега. Обе владели русским языком, были православными.

В альбом «Земство» вошла коллекция земских марок, которую начинал собирать еще отец Олега Фаберже. В библиотеке Мироновича это одна из ценнейших книг. Тираж ее всего 600 экземпляров! Еще одна присланная из Финляндии книга — «Блестки» — рассказывает об истории знаменитой семьи и иллюстрирована редкими фотографиями.

Каждый раз посещая тихое Ильинское (оно же Большое) православное кладбище в Хельсинки, я кладу цветы на семейную могилу Фаберже. И всякий раз поражаюсь удивительным художественным пропорциям большого пасхального Яйца из черного габбро, увенчанного бронзовым российским гербом — двуглавым орлом. Не случайно Карл Фаберже в 1916 году просил Министерство Императорского двора оставить за его потомками право использовать Государственный герб, пока жив последний из его сыновей. Евгений Карлович Фаберже (1874–1960) незадолго перед кончиной, в 1858 г. передал это право своему племяннику Федору Агафоновичу, отцу незабвенной Татьяны Федоровны Фаберже, сохранившей семейный архив, всю свою жизнь посвятившую изучению истории великой фирмы. Сам Агафон Карлович со своим шестым сыном Олегом теперь покоятся под семью российского герба на православном кладбище. Памятник символичен. История Фаберже не заканчивается. Российские ювелиры достойно продолжают и развивают традиции великой фирмы.

